

ΑΓΙΟΥ ΓΡΗΓΟΡΙΟΥ ΤΟΥ ΘΕΟΛΟΓΟΥ ΛΟΓΟΣ ΘΕΟΛΟΓΙΚΟΣ ΠΡΩΤΟΣ ΠΡΟΣ ΕΥΝΟΜΙΑΝΟΥΣ ΠΡΟΔΙΑΛΕΞΙΣ

Святой Григорий Богослов

Слово против евномиан и о богословии первое или
предварительное.

1. Πρὸς τοὺς ἐν λόγῳ κομψοὺς ὁ λόγος. καὶ ἵνα ἀπὸ τῆς γραφῆς ἄρξωμαι· Ἰδοὺ ἐγὼ ἐπὶ σὲ τὴν ὑβρίστριαν. εἰσὶ γάρ, εἰσὶ τινες, οἱ τὴν ἀκοὴν προσκνῶμενοι καὶ τὴν γλῶσσαν, ἥδη δέ, ὡς ὁρῶ, καὶ τὴν χεῖρα, τοῖς ἡμετέροις λόγοις, καὶ χαίροντες ταῖς βεβήλοις κενοφωνίαις, καὶ ἀντιθέσει τῆς ψευδωνύμου γνώσεως, καὶ ταῖς εἰς οὐδὲν χρήσιμον φερούσαις λογομαχίαις. οὕτω γὰρ ὁ Παῦλος καλεῖ πᾶν τὸ ἐν λόγῳ περιττὸν καὶ περιέργον, ὁ τοῦ συντετμημένου λόγου κῆρυξ καὶ βεβαιωτής, ὁ τῶν ἀλιέων μαθητής καὶ διδάσκαλος. οὗτοι δέ, περὶ ὧν ὁ λόγος, εἴθε μὲν, ὥσπερ τὴν γλῶσσαν εὐστροφον ἔχουσι καὶ δεινὴν ἐπιθέσθαι λόγοις εὐγενεστέροις τε καὶ δοκιμωτέροις, οὕτω τι καὶ περὶ τὰς πράξεις ἡσχολοῦντο μικρὸν γοῦν, καὶ ἴσως ἦττον ἂν ἦσαν σοφισταὶ καὶ κυβισταὶ λόγων ἄτοποι καὶ παράδοξοι, ἵν' εἴπω τι καὶ γελοίως περὶ γελοίου πράγματος.

2. Ἐπεὶ δὲ πᾶσαν εὐσεβείας ὁδὸν καταλύσαντες πρὸς ἐν τοῦτο βλέπουσι μόνον, ὅ τι δήσουσιν ἢ λύσουσι τῶν προβαλλομένων, καθάπερ ἐν τοῖς θεάτροις οἱ τὰ παλαίσματα δημοσιεύοντες, καὶ τῶν παλαισμάτων οὐχ ὅσα πρὸς νίκην φέρει κατὰ νόμους ἀθλήσεως, ἀλλ' ὅσα τὴν ὄψιν κλέπτει τῶν ἀμαθῶν τὰ τοιαῦτα καὶ συναρπάζει τὸν ἐπαινέτην. καὶ δεῖ πᾶσαν μὲν ἀγορὰν περιβομβεῖσθαι τοῖς τούτων λόγοις, πᾶν δὲ συμπόσιον ἀποκναίεσθαι φλυαρίᾳ καὶ ἀηδίᾳ, πᾶσαν δὲ ἐορτὴν καὶ πένθος ἅπαν, τὴν μὲν ἀνέορτον εἶναι καὶ μεστήν κατηφείας, τὸ δὲ

Слово к хитрым в слове, и начну от Писания: се аз на тя горде (Иер. 50, 31), то есть на ученость, и слух, и мысль! Ибо есть, действительно есть люди, у которых при наших речах чешутся и слух, и язык, и даже, как вижу, и руки, которым приятны скверные суесловия и прекословия лжеименного разума, и ни к чему полезному не ведущие словопрения (1 Тим. 6, 4, 20). Ибо Павел проповедник и вводитель слова сокращенна (Рим. 9, 28), учитель и ученик рыбаей, называет так и все излишнее и изысканное в слове. Хорошо, если бы те, о ком у нас речь, также были нисколько искусны в деятельном любомудрии, как оборотлив у них язык и способен приискивать благородные и отборные слова. Тогда мало, и вероятно меньше, чем ныне, стали бы они вдаваться в нелепые и странные мудрования и словами (о смешном деле и выражусь смешно) играть, как шашками.

Но, оставив все пути благочестия, они имеют в виду одно — задать или решить какой-нибудь вопрос, и походят на зрелищных борцов, представляющих не те борьбы, которые ведут к победе по законам ратоборства, но те, которые привлекают взоры не знающих дела и похищают у них одобрение. И надобно же, чтоб всякая площадь оглашалась их речами, чтоб на всяком пиршестве наводили скуку Пустословие и безвкусие, чтоб всякой праздник делался непраздничным и полным уныния, а при всяком сетовании искали утешения в большем зле — в предложении вопросов, чтоб во всяком женском тереме —

παραμυθεῖσθαι συμφορᾷ μέizonι τοῖς ζητήμασι, πᾶσαν δὲ διοχλεῖσθαι γυναικωνῖτιν, ἀπλότητι σύντροφον, καὶ τὸ τῆς αἰδοῦς ἄνθος ἀποσυλᾶσθαι τῇ περὶ λόγον ταχύτητι. ἐπειδὴ ταῦτα οὕτω, καὶ τὸ κακὸν ἄσχετον καὶ ἀφόρητον, καὶ κινδυνεύει τεχνύδριον εἶναι τὸ μέγα ἡμῶν μυστήριον· φέρε, τοσοῦτον γοῦν ἡμῶν ἀνασχέσθωσαν οἱ κατάσκοποι σπλάγχνοις πατρικοῖς κινουμένων καί, ὃ φησιν ὁ θεῖος Ἰερεμίας, σπαρασσομένων τὰ αἰσθητήρια, ὅσον μὴ τραχέως τὸν περὶ τούτων δέξασθαι λόγον, καὶ τὴν γλῶσσαν μικρὸν ἐπισχόντες, ἂν ἄρα καὶ δύνωνται, τὴν ἀκοὴν ἡμῖν ὑποθέτωσαν. πάντως δὲ οὐδὲν ζημιωθήσεσθε. ἥ γὰρ εἰς ὧτα ἐλαλήσαμεν ἀκουόντων, καὶ τινὰ καρπὸν ἔσχεν ὁ λόγος, τὴν ὠφέλειαν τὴν ὑμετέραν, ἐπειδὴ σπείρει μὲν ὁ σπείρων τὸν λόγον ἐπὶ πᾶσαν διάνοιαν, καρποφορεῖ δὲ ἡ καλὴ τε καὶ γόνιμος, ἥ ἀπήλθετε καὶ τοῦτο ἡμῶν διαπτύσαντες, καὶ πλείονα λαβόντες ὕλην ἀντιλογίας τε καὶ τῆς καθ' ἡμῶν λοιδορίας, ἵνα καὶ μᾶλλον ὑμᾶς αὐτοὺς ἐστιάσητε. μὴ θαυμάσητε δέ, εἰ παράδοξον ἐρῶ λόγον, καὶ παρὰ τὸν ὑμέτερον νόμον, οἷ πάντα εἶδέναι τε καὶ διδάσκειν ὑπισχνεῖσθε λίαν νεανικῶς καὶ γενναίως, ἵνα μὴ λυπῶ λέγων ἀμαθῶς καὶ θρασέως.

3. Οὐ παντός, ὦ οὔτοι, τὸ περὶ θεοῦ φιλοσοφεῖν, οὐ παντός· οὐχ οὕτω τὸ πρᾶγμα εὖωνον καὶ τῶν χαμαὶ ἐρχομένων. προσθήσω δέ, οὐδὲ πάντοτε, οὐδὲ πᾶσιν, οὐδὲ πάντα, ἀλλ' ἔστιν ὅτε, καὶ οἷς, καὶ ἐφ' ὅσον. οὐ πάντων μὲν, ὅτι τῶν ἐξητασμένων καὶ διαβεβηκότων ἐν θεωρίᾳ, καὶ πρὸ τούτων καὶ ψυχὴν καὶ σῶμα κεκαθαρμένων, ἥ καθαιρομένων, τὸ μεριώτατον. μὴ καθαρῶ γὰρ ἄπτεσθαι καθαροῦ τυχόν οὐδὲ ἀσφαλές, ὥσπερ οὐδὲ ὄψει σαθρᾷ ἡλιακῆς ἀκτῖνος. ὅτε δέ; ἡνίκα ἂν σχολὴν ἄγωμεν ἀπὸ τῆς ἐξωθεν ἰλύος καὶ ταραχῆς, καὶ μὴ τὸ ἡγεμονικὸν ἡμῶν συγχέηται τοῖς μοχθηροῖς τύποις καὶ πλανωμένοις, οἷον γράμμασι πονηροῖς ἀναμιγνύντων κάλλη γραμμάτων, ἥ βορβόρω μύρων εὐωδίαν. δεῖ γὰρ τῷ ὄντι σχολάσαι, καὶ γινῶναι θεόν· καὶ ὅταν λάβωμεν καιρόν, κρίνειν θεολογίας

этом убежище простодушия — нарушалось спокойствие и поспешностью в слове похищаем был цвет стыдливости! А если дошло уже до этого, если зло стало неудержимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство обратят в низкое ремесло: то пусть эти соглядатаи окажут столько терпения, чтоб, когда отеческое сердце наше приходить в волнение, и чувства наши терзаются, как говорит божественный Иеремия (4, 19), им без ожесточения принять это о них слово и хоть немного, если только могут, удержав язык, преклонить к нам слух. И без сомнения, вы не потерпите ущерба. Или буду говорить в уши слышащих, и тогда слово принесет некоторый плод, именно тот, что вы воспользуетесь словом, потому что, хотя сеющий слово сеет в сердце каждого, однако же плодприносит одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдите от меня, смеясь и над сим словом, находя в нем новый предмет к возражениям и злословию на меня, что доставить вам еще большее удовольствие. Не подивитесь же, если скажу слово, и оно будет не по вашему закону и странно для вас, которые слишком отважно и мужественно (боюсь оскорбить, сказав: невежественно и дерзко) утверждаете о себе, что знаете все и всему в состоянии научить.

Любомудрствовать о Боге можно не всякому, — да! не всякому. — Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем, и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем; потому что способны к сему люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу. Когда же можно? — Когда бываем свободны от внешней тины и мятежа, когда владычественное в нас не сливается с негодными и блуждающими образами, как красота письмен перемешанных письменами худыми, или как благовоние мура смешанного с грязью. Ибо действительно нужно упраздниться, чтоб разуместь Бога (Пс. 45, 11), и егда приимем

εὐθύτητα. τίσι δέ; οἷς τὸ πρᾶγμα διὰ σπουδῆς, καὶ οὐχ ὥς ἐν τι τῶν ἄλλων καὶ τοῦτο φλυαρεῖται ἡδέως, μετὰ τοὺς ἵππικούς, καὶ τὰ θέατρα, καὶ τὰ ἄσματα, καὶ τὴν γαστέρα, καὶ τὰ ὑπὸ γαστέρα· οἷς καὶ τοῦτο μέρος τρυφῆς, ἢ περὶ ταῦτα ἐρεσχελία καὶ κομψεία τῶν ἀντιθέσεων. τίνα δὲ φιλοσοφητέον, καὶ ἐπὶ πόσον; ὅσα ἡμῖν ἐφικτά, καὶ ἐφ' ὅσον ἢ τοῦ ἀκούοντος ἕξις ἐφικνεῖται καὶ δύναμις· ἵνα μὴ καθάπερ αἱ ὑπερβάλλουσιν τῶν φωνῶν, ἢ τῶν τροφῶν, τὴν ἀκοὴν βλάπτουσιν ἢ τὰ σώματα, εἰ βούλει δέ, τῶν φορτίων τὰ ὑπὲρ δύναμιν τοὺς ὑποβαίνοντας, ἢ τὴν γῆν τῶν ὑετῶν οἱ σφοδρότεροι, οὕτω δὴ καὶ οὗτοι τοῖς στερροῖς, ἴν' οὕτως εἴπω, τῶν λόγων καταπιεσθέντες καὶ βαρυνθέντες ζημιωθεῖεν καὶ εἰς τὴν ἀρχαίαν δύναμιν.

4. Καὶ οὐ λέγω τοῦτο μὴ δεῖν πάντοτε μεμνηῖσθαι θεοῦ. μὴ πάλιν ἐπιφυνέσθωσαν ἡμῖν οἱ πάντα εὐκολοὶ καὶ ταχεῖς. μνημονευτέον γὰρ θεοῦ μᾶλλον ἢ ἀναπνευστέον· καί, εἰ οἷόν τε τοῦτο εἰπεῖν, μηδὲ ἄλλο τι ἢ τοῦτο πρακτέον. ἀγῶν τῶν ἐπαινούντων εἰμὶ τὸν λόγον, ὃς μελετᾷ ἡμέρας καὶ νυκτὸς διακελεύεται, καὶ ἑσπέρας καὶ πρωὶ καὶ μεσημβρίας διηγεῖσθαι, καὶ εὐλογεῖν τὸν κύριον ἐν παντὶ καιρῷ· εἰ δεῖ καὶ τὸ Μωυσέως εἰπεῖν, κοιταζόμενον, διανιστάμενον ὁδοιποροῦντα, ὅ τι οὖν ἄλλο πράττοντα, καὶ τῇ μνήμῃ τυποῦσθαι πρὸς καθαρότητα. ὥστε οὐ τὸ μεμνηῖσθαι διηνεκῶς κωλύω, τὸ θεολογεῖν δέ· οὐδὲ τὴν θεολογίαν, ὥσπερ ἀσεβές, ἀλλὰ τὴν ἀκαιρίαν· οὐδὲ τὴν διδασκαλίαν, ἀλλὰ τὴν ἀμετρίαν. ἢ μέλιτος μὲν πλησμονὴ καὶ κόρος ἔμετον ἐργάζεται, καίπερ ὄντος μέλιτος, καὶ καιρὸς τῷ παντὶ πράγματι, ὡς Σολομῶντι κάμοι δοκεῖ, καὶ τὸ καλὸν οὐ καλόν, ὅταν μὴ καλῶς γίνηται, ὥσπερ ἄνθος ἐν χειμῶνι παντελῶς ἄωρον, καὶ γυναιξὶ κόσμος ἀνδρεῖος, ἢ γυναικεῖος ἀνδράσι, καὶ πένθει γεωμετρία, καὶ πότῳ δάκρυον, ἐνταῦθα δὲ μόνον τὸν καιρὸν ἀτιμάσομεν, οὗ μάλιστα τιμητέον τὸ εὐκαιρον;

время, судить о правоте Богословия (Пс, 74, 3). — Пред кем же можно? — Пред теми, которые занимаются сим тщательно, а не на ряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских ристаний, зрелищ и песней, по удовлетворении чреву и тому, что хуже чрева; ибо для последних составляет часть забавы и то, чтоб поспорить о таких предметах и отличиться тонкостью возражений. О чем же должно любомудрствовать, и в какой мере? — О том, что доступно для нас и в такой мере, до какой простираются состояние и способность разумения в слушателе. Иначе, как превышающие меру звуки или яства вредят одни слуху, другие телу, или, если угодно, как тяжести вредны поднимающим не по силам, и сильные дожди — земле; так и слушатели утратят прежние силы, если их, скажу так, обременить и подавить грузом трудных учений.

И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Боге (да не нападают на нас за это люди на все готовые и скорые!). Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного. И я один из одобряющих слово, которое повелевает поучаться день и ночь (Пс. 1, 2), вечер и зутра и полудне поведать (Пс. 54, 18), и благословлять Господа на всякое время (Пс. 33 2). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем; то лежа, и востая, и идый путем (Втор. 6, 7), и исправляющий другие дела должен памятовать о Боге, и сим памятованием возводить себя к чистоте. Таким образом запрещаю не памятовать о Боге, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствовать, как бы оно было делом неблагочестивым, но безвременность; и не преподавание учения, но несоблюдение меры. Мед, не смотря на то, что он мед, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. И. время всякой вещи, как рассуждаю с Соломоном (Еккл. 3, 1). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка; как, например, совершенно неприличны цветы зимою, мужской наряд на женщине и женский — на мужчине, геометрия во время плача, и слезы на пиру. Ужели же ни во что будем ставить время единственно там, где всего более надобно уважать благовременность?

5. Μηδαμῶς, ὦ φίλοι καὶ ἀδελφοί· ἀδελφοὺς γὰρ ὑμᾶς ἔτι καλῶ, καίπερ οὐκ ἀδελφικῶς ἔχοντας· μὴ οὕτω διανοώμεθα, μηδὲ καθάπερ ἵπποι θερμοὶ καὶ δυσκάθεκτοι, τὸν ἐπιβάτην λογισμὸν ἀπορρίψαντες, καὶ τὴν καλῶς ἄγχουσιν εὐλάβειαν ἀποπτύσαντες, πόρρω τῆς νύσσης θέωμεν· ἀλλ' εἴσω τῶν ἡμετέρων ὄρων φιλοσοφῶμεν, καὶ μὴ εἰς Αἴγυπτον ἐκφερώμεθα, μηδὲ εἰς Ἀσσυρίους κατασυρώμεθα, μηδὲ ἄδωμεν τὴν ᾠδὴν κυρίου ἐπὶ γῆς ἀλλοτρίας, πάσης ἀκοῆς λέγω, ξένης τε καὶ ἡμετέρας, ἐχθρᾶς καὶ φιλίας, εὐγνώμονος καὶ ἀγνώμονος, ἢ λίαν ἐπιμελῶς τηρεῖ τὰ ἡμέτερα, καὶ βούλοιτο ἂν τὸν σπινθῆρα τῶν ἐν ἡμῖν κακῶν γενέσθαι φλόγα, ἐξάπτει τε καὶ ἀναρριπίζει καὶ εἰς οὐρανὸν αἶρει ταῖς παρ' ἑαυτῆς αὔραις λανθάνουσα, καὶ ποιεῖ τῆς Βαβυλωνίας φλογὸς τὰ κύκλω καταφλεγούσης ὑψηλότεραν. ἐπειδὴ γὰρ οὐκ ἐν τοῖς ἑαυτῶν δόγμασιν ἔχουσι τὴν ἰσχύν, ἐν τοῖς ἡμετέροις σαθροῖς ταύτην θηρεύουσι, καὶ διὰ τοῦτο, ὥσπερ αἱ μυῖαι τοῖς τραύμασιν, οὕτω τοῖς ἡμετέροις ἐπιτίθενται· εἴτε ἀτυχήμασι χρή λέγειν, εἴτε ἀμαρτήμασιν. ἀλλ' ἡμεῖς γε μὴ ἐπὶ πλεῖον ἡμᾶς αὐτοὺς ἀγνοήσωμεν, μηδὲ τὸ περὶ ταῦτα κόσμιον ἀτιμάσωμεν· ἀλλ' εἰ μὴ τὴν ἐχθραν καταλύσασθαι δυνατόν, ἐκεῖνό γε συμβῶμεν ἀλλήλοις, μυστικῶς τὰ μυστικὰ φθέγγεσθαι, καὶ ἀγίως τὰ ἅγια, καὶ μὴ ρίπτειν εἰς βεβήλους ἀκοὰς τὰ μὴ ἔκφορα, μηδὲ σεμνοτέρους ἡμῶν ἀποφαίνωμεν τοὺς προσκυνοῦντας τοῖς δαιμονίοις καὶ τῶν αἰσchrῶν μύθων καὶ πραγμάτων θεραπευτάς, οἱ θᾶττον ἂν τοῦ αἵματος ἢ λόγων ἔστιν ὧν μεταδοῖεν τοῖς ἀμυήτοις. ἀλλ' εἰδῶμεν, ὥσπερ ἐσθῆτος καὶ διαίτης καὶ γέλωτος καὶ βαδίσματος οὐσάν τινα κοσμιότητα, οὕτω καὶ λόγου καὶ σιωπῆς, ὅτι καὶ λόγον πρεσβεύομεν μετὰ τῶν ἄλλων τοῦ θεοῦ προσηγοριῶν καὶ δυνάμεων. ἔστω καὶ τὸ φιλόνεικον ἡμῶν ἔννομον.

6. Τί γέννησιν ἀκούει θεοῦ καὶ κτίσιν, καὶ θεὸν ἐξ οὐκ ὄντων, καὶ τομὴν καὶ διαίρεσιν καὶ ἀνάλυσιν, ὁ πικρὸς τῶν λεγομένων ἀκροατής; τί δικαστὰς τοὺς κατηγοροὺς καθίζομεν; τί τὰ ξίφη τοῖς ἐχθροῖς ἐγχειρίζομεν; πῶς, οἶει, δέξεται τὸν περὶ

Нет, друзья и братия (все еще называю вас братьями, хотя ведете себя и не по братски)! Не так будем рассуждать, не побежим далее цели, как горячие и неукротимые кони, сбросив с себя всадника — разум, и отринув добрую узду — благоговение, но станем любомудрствовать, не выступая из назначенных Христианину пределов, не будем переселяться в Египет, не дадим увлекать себя к Ассириянам, не воспоем песнь Господню на земли чуждей (Пс. 136, 4), т.е. вслух всякому, и стороннему и нашему, и врагу и другу, и благонамеренному и злонамеренному, который чрез меру тщательно наблюдает за нами, и желал бы, чтобы в нас каждая искра худого обратилась в пламя, сам тайно ее возжигает, раздувает, вздымает своим дыханием к небу, выше попадающего все окрест себя Вавилонского пламени. Поскольку в собственных своих учениях не находят они для себя подкрепления; то ищут его в том, что слабо у нас. А потому, как мухи на раны, нападают на наши (как назвать это?) неудачи или погрешности. Но не будем долее оставаться в неведении о себе самих и не уважать приличия в таких предметах. Напротив того если невозможно истребить вражды, по крайней мере согласимся в том, чтоб о таинственном говорить таинственно, и о святом—свято. Пред имеющими оскверненный слух не станем повергать того, о чем не должно всем разглашать. Не попустим, чтоб, в сравнении с нами, оказались достойными большего почтения поклоняющиеся бесам, служители срамных басен я вещей; потому что и они скорее прольют кровь свою, нежели откроют учение свое непосвященным. Будем знать, что есть некоторое благоприличие, как в одежде, пище, смехе и походе, так и в слове и молчании; тем паче, что мы, кроме других наименований и сил, чтим в Боге и Слово. Сами состязания да будут у нас подчинены законам.

О рождении Бога, о сотворении, о Боге из не сущих, о сечении, делении и разрешении для чего слушать тому, кто слушает это неприязненно? Для чего обвинителей делаем судиями, даем меч в руки врагам? Как и с какими, думаешь ты, понятиями примет

τούτων λόγον, ἢ μεθ' οἷας τῆς διανοίας, ὁ τὰς μοιχείας ἐπαινῶν καὶ τὰς παιδοφθορίας, καὶ προσκυνῶν τὰ πάθη, καὶ μηδὲν ὑπὲρ τὸ σῶμα διανοηθῆναι δυνάμενος, ὁ χθὲς καὶ πρῶην ἑαυτῷ στήσας θεούς, καὶ τούτους ἐπὶ τοῖς αἰσχίστοις γνωρίζομένους; οὐχ ὑλικῶς; οὐκ αἰσχροῶς; οὐκ ἀμαθῶς; οὐκ ἀμαθῶς; οὐχ ὥς εἴωθεν; οὐ συνήγορον τῶν οἰκείων θεῶν καὶ παθῶν τὴν σὴν θεολογίαν ποιήσεται; εἰ γὰρ αὐτοὶ ταῖς φωναῖς ταύταις ἐπηρεάζομεν, σχολῇ γ' ἂν ἐκείνους πείσαιμεν φιλοσοφεῖν ἐν τοῖς ἡμετέροις· καὶ εἰ παρ' ἑαυτῶν εἰσὶν ἐφευρεταὶ κακῶν, πότε ἂν τῶν διδομένων ἀπόσχοιντο; ταῦτα ἡμῖν ὁ πρὸς ἀλλήλους πόλεμος. ταῦτα οἱ πλεῖον ὑπὲρ τοῦ Λόγου μαχόμενοι, ἢ ὅσον ἀρέσκει τῷ Λόγῳ, καὶ ταῦτ' ὅν πάσχοντες τοῖς μαινομένοις, οἱ τοὺς ἰδίους οἴκους ἀνάπτουσιν, ἢ τοὺς παῖδας σπαράττουσιν, ἢ τοὺς γονέας περιωθοῦσιν, ὥς ἀλλοτρίους νομίζοντες.

7. Ἐπεὶ δὲ ἀπεσκευασάμεθα τοῦ λόγου τὸ ἀλλότριον, καὶ εἰς τὴν ἀγέλην τῶν χοίρων ἀπεπεμφάμεθα τὸν πολὺν λεγεῶνα κατὰ βυθῶν χωρήσαντα, ὃ δεύτερόν ἐστι, πρὸς ἡμᾶς αὐτοὺς ἴδωμεν, καὶ ξέσωμεν εἰς κάλλος, ὥσπερ ἀνδριάντα, τὸν θεολόγον. ἐκεῖνο δὲ πρῶτον λογισώμεθα, τίς ἢ τοσαύτη περὶ τὸν λόγον φιλοτιμία καὶ γλῶσσαις; τίς ἢ καινὴ νόσος αὕτη καὶ ἀπληστία; τί τὰς χεῖρας δῆσαντες τὰς γλῶσσας ὥπλίσσαμεν; οὐ φιλοξενίαν ἐπαινοῦμεν; οὐ φιλαδελφίαν, οὐ φιλανδρίαν, οὐ παρθενίαν, οὐ πτωχοτροφίαν θαυμάζομεν; οὐ ψαλμωδίαν, οὐ πάννυχον στάσιν, οὐ δάκρυον; οὐ τὸ σῶμα νηστεῖαις ὑποπιέζομεν; οὐ δι' εὐχῆς πρὸς θεὸν ἐκδηλοῦμεν; οὐ τῷ κρείττονι τὸ χεῖρον ὑποζεύγνυμεν, τὸν χοῦν λέγω τῷ πνεύματι, ὥς ἂν οἱ τῷ κράματι δικαίως δικάζοντες; οὐ μελέτην θανάτου τὸν βίον ποιούμεθα; οὐ τῶν παθῶν δεσπότης καθιστάμεθα, μεμνημένοι τῆς ἄνωθεν εὐγενείας; οὐ θυμὸν τιθασσεύομεν ἐξοιδοῦντα καὶ ἀγριαίνοντα; οὐκ ἔπαρσιν καταβάλλουσιν, οὐ λύπην ἀλόγιστον, οὐχ ἡδονὴν ἀπαίδευτον, οὐ γέλωτα πορνικόν, οὐκ ὄψιν ἄτακτον, οὐκ ἀκοὴν ἀπληστον, οὐ λόγον ἄμετρον, οὐ διάνοιαν

слово об этом тот, кто одобряет прелюбодеяния и деторастления, кто поклоняется страстям и не может ничего представить выше телесного, кто вчера и за день творил себе богов, богов отличающихся делами самыми постыдными? Не с понятиями ли (к каким он привык) грубыми, срамными, невежественными? И богословия твоего не сделает ли он поборником собственных своих богов и страстей? Если мы сами употребляем такие речения во зло; то еще трудные убедить противников наших, чтоб любомудрствовали, как следовало бы нам. Если мы сами у себя обретатели злых (Рим. 1, 30), то как им не коснуться того, что действительно в нас есть? Вот следствие нашей междоусобной брани! Вот польза от подвизающихся за слово более, нежели угодно Слову, и от подвергающихся одной участи с лишенными ума, которые зажигаясь собственным своим домом, или терзают детей, или гонят от себя родителей, почитая их чужими!

Но отлучив от слова чуждое, и многочисленный легион, поступивший во глубину, послав в стадо свиней, обратимся к себе самим (что составляет второй предмет нашего слова), и как изваяние иссечем богослова во всей красоте. Прежде же всего размыслим о том, что значит такое ревнование о слове и эта боязнь языка? Что за новый недуг, что за ненасытимость? Для чего, связав руки, вооружили мы язык? Не хвалим ни страннoлюбия, ни братолoлюбия, ни любви супружеской, ни девства; не дивимся ни питанию нищих, ни псалмопению, ни всенощному стоянию, ни слезам; не изнуряем тела постами, не преселяемся к Богу молитвою, не подчиняем (как правильно рассуждающие о своем составе) худшего лучшему, то есть персти духу; не обращаем жизни в помышление о смерти; помня о горнем благородстве, не удерживаем за собою владычества над страстями; не укрощаем в себе ни ярости, делающей надменными и зверскими, ни унижающего превозношения, ни безрассудной скорби, ни необузданного сладострастия, ни блуднического смеха, ни наглого взора, ни ненасытного слуха, ни неумеренной говорливости, ни превратного образа мыслей, ни всего, что против нас у нас же самих берет лукавый, вводящий, как говорить Писание, смерть сквозе, окно (Иер.

ἔκτοπον, οὐχ ὅσα παρ' ἡμῶν ὁ πονηρὸς καθ' ἡμῶν λαμβάνει, τὸν διὰ τῶν θυρίδων, ὡς ἡ γραφή φησιν, εἴτουν αἰσθητηρίων, εἰσάγων θάνατον; πᾶν μὲν οὖν τούναντίον, καὶ τοῖς ἄλλων πάθεσιν ἐλευθερίαν δεδώκαμεν, ὥσπερ οἱ βασιλεῖς τὰς ἐπινικίους ἀφέσεις, μόνον ἂν πρὸς ἡμᾶς νεύωσι, καὶ κατὰ θεοῦ φέρονται θρασύτερον καὶ κακὸν οὐ καλοῦ πράγματος μισθὸν ἀντιδίδομεν, τῆς ἀσεβείας τὴν παρρησίαν.

8. Καίτοιγε, ὦ διαλεκτικὲ καὶ λάλε, ἐρωτήσω σέ τι μικρόν· Σὺ δὲ ἀπόκριναί, φησι τῷ Ἰώβ ὁ διὰ λαίλαπος καὶ νεφῶν χρηματίζων. πότερον πολλάι μοναὶ παρὰ τῷ Θεῷ, ὅπερ ἀκούεις, ἢ μία; πολλάι, δώσεις δηλαδή, καὶ οὐ μία. πότερον δὲ πληρωθῆναι δεῖ πάσας, ἢ τὰς μὲν, τὰς δὲ οὐ, ὡς εἶναι κενὰς καὶ μάτην ἡτοιμασμένας; ναὶ πάσας· οὐδὲν γὰρ εἰκῇ τῶν παρὰ Θεοῦ γενομένων. ταύτην δὲ ὅ τί ποτε θήσεις τὴν μονήν, ἔχοις ἂν εἰπεῖν; ἄρα τὴν ἐκεῖθεν ἀνάπαυσίν τε καὶ δόξαν τὴν ἀποκειμένην τοῖς μακαρίοις, ἢ ἄλλο τι; οὐκ ἄλλο ἢ τοῦτο. ἐπειδὴ τοῦτο ὠμολογήσαμεν, κάκεινο προσεξετάσωμεν. ἔστι τι τὸ ταύτας προξενοῦν τὰς μονάς, ὡς ὁ ἐμὸς λόγος, ἢ οὐδέν; ἔστι πάντως. τί τοῦτο; τὸ διαφόρους εἶναι πολιτείας καὶ προαιρέσεις, καὶ ἄλλην ἀλλαχοῦ φέρειν κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως, ὅπερ καὶ ὁδοὺς ὀνομάζομεν. πάσας οὖν ὀδευτέον, ἢ τινὰς τῶν ὁδῶν τούτων; εἰ μὲν οἶόν τε τὸν αὐτόν, πάσας· εἰ δὲ μή, ὅτι πλείστας· εἰ δὲ μή, τινὰς· εἰ δὲ μηδὲ τοῦτο, μέγα κἂν εἰ μίαν διαφερόντως, ὡς γέ μοι φαίνεται. ὀρθῶς τοῦτο ὑπολαμβάνεις. τί οὖν; ὅταν ἀκούσης μίαν ὁδὸν εἶναι, καὶ ταύτην στενὴν, τί σοι φαίνεται δηλοῦν ὁ λόγος; μίαν μὲν διὰ τὴν ἀρετὴν· μία γάρ, κἂν εἰς πολλὰ σχίζεται· στενὴν δὲ διὰ τοὺς ἰδρῶτας καὶ τὸ μὴ πολλοῖς εἶναι βατήν, ὡς πρὸς τὸ πλῆθος τῶν ἐναντίων καὶ ὅσοι διὰ τῆς κακίας ὀδεύουσιν. οὕτω κάμοι δοκεῖ. τί οὖν, ὦ βέλτιστε, εἴπερ τοῦτο οὕτως ἔχει, ὥσπερ τινὰ πενίαν καταγνόντες τοῦ ἡμετέρου λόγου, πάσας τὰς ἄλλας ὁδοὺς ἀφέντες, πρὸς μίαν ταύτην φέρεσθε καὶ ὠθεῖσθε τὴν διὰ λόγου καὶ θεωρίας, ὡς αὐτοὶ οἶεσθε, ὡς δὲ ἐγὼ φημι, ἀδολεσχίας καὶ

9, 21), то есть чрез чувства. У нас все напротив. Как цари даруют пощаду после победы, так мы даем свободу страстям других, если только поглажают нам, и дерзостнее или нечестивее устремляются против Бога; и за недоброе воздаем худою наградою, за нечестие — своевољством.

Но вопрошу ты мало, совопросник и вещей муж, ты же ми отвечай, говорить Иову Вещавший сквозе бурю и облаки (Иов. 38, 1–3). Что слышишь: много у Бога обителей, или одна?—Без сомнения согласишься, что много, а не одна? Все ли они должны наполниться, или одни наполнятся, а другие нет, но останутся пустыми, и приготовлены напрасно? — Конечно все; потому что у Бога ничего не бывает напрасно. — Но можешь ли оказать, что разумеешь под таковою обителью: тамошнее ли упокоение и славу уготованную блаженным, или что другое? — Не другое что, а это. Но согласившись в этом, рассмотрим еще следующее. Есть ли что-нибудь такое, как я полагаю, что доставляло бы нам эти обители; или нет ничего такого? — Непременно есть нечто. Что же такое? — Есть разные роды жизни и избрания, и ведут к той или другой обители по мере веры, почему и называются у нас путями. — И так всеми ли путями, или некоторыми из них должно идти? — Если возможно, пусть один идет всеми. А если нет, то, сколько может, большим числом путей. Если же и того нельзя; то некоторыми. Но если и это невозможно, то примется в уважение, как мне по крайней мере кажется, когда кто-нибудь и одним пойдет преимущественно. Правильно разумеешь это. Поэтому что же, по твоему мнению, означает словом, когда слышишь, что путь один и притом тесен? — Путь один относительно к добродетели: потому что и она одна, хотя и делится на многие виды. Тесен же он по причине трудов, и потому что для многих, непроходим, а именно для великого числа противников, для всех, которые идут путем порока. Так и я думаю. — Но если это справедливо; то почему же, наилучший, как будто уличив наше учение в какой-то скудости, оставили вы все прочие пути, а стремитесь и поспешаете на этот один путь, на путь, как вам представляется

τερατείας; ἐπιτιμάτω Παῦλος ὑμῖν, τοῦτο πικρῶς ὀνειδίζων μετὰ τὴν ἀπαρίθμησιν τῶν χαρισμάτων, ἐν οἷς φησί· Μὴ πάντες ἀπόστολοι; μὴ πάντες προφῆται; καὶ τὰ ἐξῆς.

9. Ἐστω δέ· ὑψηλὸς σύ, καὶ ὑψηλῶν πέρα, καὶ ὑπὲρ τὰς νεφέλας, εἰ βούλει, ὁ τῶν ἀθεάτων θεατῆς, ὁ τῶν ἀρρήτων ἀκροατῆς, ὁ μετὰ Ἡλίαν μετάρσιος, καὶ ὁ μετὰ Μωυσέα θεοφανείας ἡξιωμένος, καὶ μετὰ Παῦλον οὐράνιος. τί καὶ τοὺς ἄλλους αὐθήμερον πλάττεις ἀγίους, καὶ χειροτονεῖς θεολόγους, καὶ οἶον ἐμπνεῖς τὴν παιδευσιν, καὶ πεποίηκας λογίων ἀμαθῶν πολλὰ συνέδρια; τί τοῖς ἀραχνίοις ὑφάσμασιν ἐνδεσμεῖς τοὺς ἀσθενεστερούς, ὥς δὴ τι σοφὸν καὶ μέγα; τί σφηκιὰς ἐγείρεις κατὰ τῆς πίστεως; τί σχεδιάζεις ἡμῖν διαλεκτικῶν ἀνάδοσιν, ὥσπερ οἱ μῦθοι πάλαι τοὺς γίγαντας; τί τῶν ἀνδρῶν ὅσον κοῦφον καὶ ἄνανδρον, ὥσπερ τινὰ συρφετόν, εἰς μίαν χαράδραν συναγαγόν, καὶ κολακεῖα πλέον θηλύνας, καὶνὸν ἀσεβείας ἐργαστήριον ἐδημιούργησας, οὐκ ἀσόφως τὴν ἄνοιαν αὐτῶν ἐκκαρπούμενος; Ἀντιλέγεις καὶ τούτοις; καὶ οὐδαμοῦ σοι τᾶλλα; καὶ τὴν γλῶσσαν δεῖ δυναστεύειν πάντως, καὶ οὐ κατέχεις τὴν ὠδῖνα τοῦ λόγου; ἔχεις καὶ ἄλλας ὑποθέσεις πολλὰς τε καὶ φιλοτίμους. ἐκεῖ τρέψον μετὰ τοῦ χρησίμου τὴν νόσον.

10. Βάλλε μοι Πυθαγόρου τὴν σιωπὴν, καὶ τοὺς κυάμους τοὺς Ὀρφικούς, καὶ τὴν περὶ τὸ Αὐτὸς ἔφα καινότεραν ἀλαζονείαν. βάλλε μοι Πλάτωνος τὰς ιδέας, καὶ τὰς μετενσωματώσεις καὶ περιόδους τῶν ἡμετέρων ψυχῶν, καὶ τὰς ἀναμνήσεις, καὶ τοὺς οὐ καλοὺς διὰ τῶν καλῶν σωμάτων ἐπὶ ψυχὴν ἔρωτας· Ἐπικούρου τὴν ἀθείαν, καὶ τὰς ἀτόμους, καὶ τὴν ἀφιλόσοφον ἡδονήν· Ἀριστοτέλους τὴν μικρολόγον πρόνοιαν, καὶ τὸ ἔντεχνον, καὶ τοὺς θνητοὺς περὶ ψυχῆς λόγους, καὶ τὸ ἀνθρωπικὸν τῶν δογμάτων· τῆς Στοᾶς τὴν ὀφρύν, τῶν Κυνῶν τὸ λίχνον τε καὶ ἀγοραῖον. βάλλε μοι τὸ κενόν, τὸ πλήρες τῶν ληρημάτων, ὅσα περὶ θεῶν ἢ θυσιῶν, περὶ

разума и умозрения, а как я скажу, — пустословия и мечтательности? Да вразумить вас Павел, который, по исчислении дарований, сильно упрекает за это говоря: еда вси апостоли? еда вси пророцы? и так далее (1 Кор. 12, 29).

Положим, что ты высок, выше самых высоких, а если угодно, выше и облаков; положим, что ты зритель незримого, слышатель неизреченного, восхищен как Илия, удостоен богоявления, как Моисей, небесен как Павел. Для чего же и других, не больше как в один день, делаешь святыми, производишь в богословы, и как бы вдыхаешь в них ученость, и составляешь многие сонмища не учившихся книжников? Для чего опутываешь паутинными тканями тех, которые наиболее немощны, как будто это дело мудрое и великое? Для чего против веры возбуждаешь шершней? Для чего распускаешь против нас состязателей, как в древности баснословие — гигантов? Для чего, сколько есть между мужами легкомысленных и недостойных имени мужа, собрав всех, как сор в одну яму, и своим ласкательством сделав их еще женоподобнее, построил ты у себя новую рабочую, и не без разума извлекаешь для себя пользу из их неразумия? Ты возражаешь и против этого? У тебя, нет другого занятия? Языку твоему необходимо должно господствовать? Ты не можешь остановить болезней рождения и не разродиться словом? Но много есть для тебя других обильных предметов. На них обрати с пользою недуг сей.

Рази Пифагорово мечтание, Орфеевы бобы, и эту надутую поговорку новых времен: сам сказал! Рази Платоновы идеи, преселения и круговращения наших душ, припамятоваше и вовсе не прекрасную любовь к душе ради прекрасного тела; рази Эпикурово безбожие, его атомы и чуждое любомудрия удовольствие; рази Аристотелев немногообъемлющий Промысл, в одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертные суждения о душе и человеческий взгляд на высшие учения; рази надменность стоиков, прожорство и шутовство циников. Рази пустоту и полноту, и те бредни, какие есть о богах или жертвах, об идолах, и демонах, благотворных и злотворных, какие разглашаются о прорицалищах, о вызывании богов и душ, о силе звезд. А если ты не

εἰδῶλων, περὶ δαιμόνων ἀγαθῶν τε καὶ
κακοποιῶν, ὅσα περὶ μαντείας, θεαγωγίας,
ψυχαγωγίας, ἄστρον δυνάμεως, τερατεύονται.
εἰ δὲ σὺ ταῦτα μὲν ἀπαξιοῖς λόγου, ὥς μικρά τε
καὶ πολλάκις ἐληλεγμένα, περὶ δὲ τὰ σὰ στρέφη,
καὶ ζητεῖς τὸ ἐν τούτοις φιλότιμον· ἐγὼ σοι
κάνταῦθα παρέξομαι πλατείας ὁδοῦς. φιλοσόφει
μοι περὶ κόσμου ἢ κόσμων, περὶ ὕλης, περὶ ψυχῆς,
περὶ λογικῶν φύσεων βελτιόνων τε καὶ
χειρόνων, περὶ ἀναστάσεως, κρίσεως,
ἀνταποδόσεως, Χριστοῦ παθημάτων. ἐν τούτοις
γὰρ καὶ τὸ ἐπιτυχάνειν οὐκ ἄχρηστον, καὶ τὸ
διαμαρτάνειν ἀκίνδυνον. θεῶ δὲ ἐντευξόμεθα, νῦν
μὲν ὀλίγα, μικρὸν δὲ ὕστερον ἴσως τελεώτερον, ἐν
αὐτῷ Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα
εἰς τοὺς αἰῶνας· Ἀμήν.

удостаиваешь это и словом, как маловажное
и многократно опровергнутое, хочешь
заняться своим предметом. и в нем ищешь
пищи любочестию; то и здесь укажу тебе
широкие пути. Любомудрствуй о мире или
мирах, о веществе, о душе, о разумных —
добрых и злых природах, о воскресении,
суде, мздовоздаянии, Христовых страданиях.
Касательно этого и успеть в своих
исследованиях не бесполезно, и не получить
успеха не опасно. О Боге же будем
рассуждать теперь не много, но в скором
времени, может быть, совершеннее, о самом
Христе, Господе нашем. Которому слава во
веки, аминь.